

ИРИНА ГАЛАКТИКАЦВЕТА

ПОГОВОРИ СО МНОЮ, ИРА...

Короткие рассказы

ПОГОВОРИ СО МНОЮ, ИРА...

© eva-and-co.ru

Творческая Лаборатория «Слово и Образ»

© Текст – Ирина Галактикацвета @irinagalaktikatsveta

© Оформление альбома – Елена Корешева

Москва – 2020 год

ПОГОВОРИ СО МНОЮ, ИРА...

Поговори со мною, Ира... О чем-нибудь...

Есть категория людей, с которыми хочется и говорить о чем угодно, и молчать. Они не напрягают, эти люди, с ними комфортно, с ними - хоть о Кафке, хоть о котлетах. А есть те, которые настаивают на общении, но слушают только себя, с ними неинтересно, они мучают, и истязают, и мечтаешь, когда же они, наконец, положат трубку. Но они не торопятся отключиться, и все что-то бубнят, а ты извиваешься как уж, и потеешь до пяток от негодования.

У меня есть такая особа. И вот опять, моюсь в душе, звонит. Выскакиваю, - 15 пропущенных звонков! Думаю, что же случилось?! - Потоп?!

- Ты где?!- взревела негодуяще трубка, - я уж звоню-звоню тебе всяко!

- Моюсь, - докладываю я, стряхивая воду с плеч, - а что случилось, Зина?

- Как что? А как же общение? Мы должны постоянно общаться! Кроме того, в Китае коронавирус. Скоро доберется до нас, ты вечно не смотришь новости, умрем вот-вот все.

- Мне неинтересно про вирус, можем поговорить про живопись, пока не умерли.

- Не, я в этом не понимаю, давай про вирус. А ты что делаешь, я не помешала?

- Мылась. Помешала. И мне надо рисовать, душит идея. Может, потом созвонимся?

- А ты уверена, что тебя идеи не задушат вконец? Сколько можно так работать? Я вот блинчики испекла, ем с маслицем и семечками. Много китайцев умерло. И в «Пятерке» дешевые макароны, по 29 рублей за кило. Сгоняй быстрее, пока не расхватали. Если хочешь, я устрою тебя уборщицей в больницу, по благу, а то глаза ослепнут от фломастеров. Скоро весна, а ты слепая. А как же грибы?

Какие грибы весной? У меня стали подмерзать ноги. Я натужно вспомнила, сколько Зинка сделала мне добра (кабачки, подаренные летом, да картошка), вспомнила ее круглые тупые глазоньки, простодушное квадратное лицо, 130 килограмм чистого сала в телесах, и решила потерпеть. «Не суди, и не судим будешь!»- всплыло в сознании.

- Прошу прощения, Зин, что еще ты изволишь мне сообщить?- проворковала в трубку.

- Не выделяйся! - закричала трубка, - я тебе не Монсират Кабарье, можно и без выкидонов, по-свойски! Вот тебе рецепт блинов, как делаю я: вода, яйца, соль. А молоко не надо, это лишнее. Пальчики от ног оближешь!

- Спасибо, что позвонила, Зиночка. Я перезвоню скоро, честно!

- Ладно! В Австрии акула откусила ногу бабушке, почитай, не забудь! Покедова.

Это была пощечина художнику, Муза вспорхнула и улетела, оставив меня наедине с вирусом, семечками, блинами из воды и Австрией, отбивающейся от акул.

Я потянулась к полке, и достала книгу. Старик Омар Хайям всегда меня успокаивал, особенно вот это Рубаи:

Вокруг — толпа ослов. У каждого, увы,
Бездумный барабан на месте головы.
Ты хочешь, чтоб они тебе лизали пятки?
Прославься чем-нибудь. Они — рабы молвы.

ДОРОГОЕ ЯБЛОЧКО

Жили—были две сестры, Мария и Анна. Старшая Мария внешне неказиста: в ее генах застряла цыганская кровь, а откуда, непонятно. В тех сибирских краях цыган, отродясь, не водилось. Корява ростом, черна, как воронье крыло, с густыми усами на верхней губой. Низкий лоб и маленькие сверлящие антрацитовые глазки завершали облик 20-ей девушки. Сестра Анна, 17-и лет, напротив, стройна, с толстой косой, правильными чертами лица и зеленоватыми прозрачными глазами. Полная противоположность! Родители девушек умерли в один день. В разом осиротевший домик пустили сестры квартирантку Аню, все веселее! Аня стала главой семьи, ее слушались и жили друженько. Домик находился на краю деревни, до фермы рукой подать, где все и работали, девчата-телятницами, а Аня- ветеринаром.

Наступила зима. Колхозное начальство приступило к формированию бригады для строевого леса.

В послевоенной деревне мужчин кот наплакал, старики да инвалиды. И бригада оказалась почти женской, из молодых и бездетных. Зачислили и телятницу Анну, благо зимой телят появлялось мало. Обоз из 20 подвод отправился на лесоучасток за 50 км, и народ поселили в большой комнате при конторе, с печкой. С разных колхозов народу набралось немало, попадались и мужики. Трещали крещенские морозы, одежонка никудышная, дырявые валенки да старенькие фуфайки, а работа тяжелая: пилить деревья ручными пилами, отрубать сучья, тащить лес на себе до подводы.

В редкие перерывы женщины грелись огнем костров, а мужики- самогонкой. Кормились в столовой, спали на полу вповалку, настелив соломы, что привезли с собой. Каждый имел подушку и стеганое одеяло.

После каторжной работы сон одолевал каждого, едва он доползал до подушки. Раздавался храп, и спертый воздух насыщался парами сивухи. Как-то ночью Анне не спалось, одолевала тоска по умершим родителям, по-особенному ощущалось одиночество и незащищенность. Обида на судьбу: вместо учебы - лесная каторга! Болит спина, болит живот, ломит ноги. Таскать бревна!- разве для этого она родилась?

Слезы отчаяния смочили подушку, на том и заснула. Ближе к утру, когда сон особенно сладок, почувствовала Аня какое-то странное копошение в ногах, а следом что-то тяжелое навалилось на нее. Проснувшись, сначала пыталась столкнуть «ношу», пропитанную перегаром и табаком, но услышала:

- *Молчи, дурр-р-ра! Придушу!* - и грубая холодная рука легла на горло. Анна замерла, боясь разбудить рядом спящих: потом сплетен не оберешься. Мужское тело дергалось и хрипело, девушка почувствовала острую боль и отвращение. Тело сползло и стало тихо. Соседи не шелохнулись, а Аня тихо заплакала: за что ее распяли? Что делать, как жить? И жить ли вообще?

В последующие дни девушка внимательно рассматривала мужиков, пытаясь определить ночного обидчика, но все они говорили хриплыми простуженными голосами, от всех разило сивухой, и узнать насильника было невозможно.

-Чего пялишься на мужиков-то?- ехидничали бабы, - жениха присматриваешь? Так все женаты!

Аня опускала глаза, задыхаясь от обиды, а по ночам не спала вовсе, чтобы дать отпор, в случае чего, но мужик, к счастью, более не появлялся. Затем отработка закончилась, все разъехались по домам. Сестра Мария налепила пельменей для сестры, но Аня налегала на квашеную капусту, от чего усы сестры недоуменно шевелились:

-Ты сдурела, что ли, сестренка? Пельмени не ешь, а капусту уминаешь?

- Ой, Маша, нас там перловкой одной кормили, соскучилась по кислому, - объяснила Анна, мерцая зеленью глаз.

К весне Анна округлилась, налилась, похорошела. А сестра все хмурилась, зыркала глазками, но помалкивала. Вечером за чаем с квартиранткой, Анна, смущаясь и краснея, спросила:

-Тетя Ань, боюсь Марии сказать, но вам по секрету, можно? У меня в животе что-то прыгает, да шевелится! Думаю, надорвалась, таская бревна. Ждала, что пройдет, да не проходит болезнь эта. Как думаете, что это? И лечиться мне как?!

- Это не «что», а «кто»! – строго сказала фельдшер. – *Ребенок шевелится. Ты, дурочка, беременна. Поняла? Ты была с мужиком, скажи?*

Неискушенная Анна не на шутку испугалась, и заплакала: *Да вы что? Как же это возможно?! Только, если...* И рассказала про тот случай на лесоповале. *- Что ж в деревне скажут? Нагуляла? А я не хотела...*

- К повитухе поздно, - попытожила квартирантка, *- Марии скажи. А деревня пожует новость, да выплюнет...*

Конечно, Мария развела пары, но после драки кулаками не машут.

Осенью родился мальчик. Прехорошенький, как ангелок. Беленький и голубоглазый, сестры в нем души не чаяли.

Это нам подарок вместо родителей! Бог послал! - сказала Мария сестре, смирившись.

Мальчик вырос, пошел в первый класс. *Красавчик и умничка!* - судачили соседки, *- и в кого такой уродился? В нашей деревне отродясь таких видных мужиков не было!* Анна в тот же год нашла свою судьбу, взял ее рукастый Николай в жены. Мария замуж не вышла, но родила от кого-то чернявую девчущку с острыми глазками. Николай расширил избу, и стали сестры с детьми жить-поживать вместе: было их двое, а стало пятеро!

-Такое яблочко дорогого стоит! - как-то правдиво заметила деревенская старуха вслед Аниному сыну, и та, крепко держащая мальчика за руку, согласно кивнула головой.

Совместных детей с Николаем у них так и не родилось.

ТЫ НЕ ШУТИШЬ, ИР?!

«Юмор — интеллектуальная способность подмечать в явлениях их комичные, смешные стороны. Чувство юмора связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающем мире» - Интернет

С интеллектом у местных старичков плохо, еще хуже - с юмором, смутно они подозревают, что есть что-то такое веселое, потому что слышали о Петросяне и Камеди Клаб. И потому, когда шутишь с ними, или разыгрываешь, люди впадают в ступор, тужась понять то неведомо-озорное, что пришло со мной, хулиганкой. Они краснеют, пытаются понять суть, и обижаются, так и не поняв.

- *А что, Зой, ты закопалась в огороде?*- говорю ласково соседке, мечущей по весне навозик в грядку, - *да не бежишь на луг? Туда прилетел голубой вертолетик с гуманитарной помощью нашей деревне, раздадут бесплатно теплицы (уже собранные) 6х8 метров, корм страусам, японские мини-трактора, и презервативы старикам.*

- *Да?! Чегой-то ране не сказала?*- дуется та, шустро выпрастывая ноги из дерьма, - и смотрит вдаль. У нее катаракта, но ей кажется, что видит вертолет. - *Хороши теплички-то, не старые, хоть, Ир?*

- *Новье!* - подхожу поближе я, и развожу руки, - *широченные! Себе пять взяла, беги быстрее.*

- *Мне более надо,* - Зоя задумалась, - *чтобы манги выращивать. Если печь поставить, то вырастут, Ир, на продажу-то?-*

- *Вырастут,* - уверяю, - *и манги, и финики, и кукиши с маслом!*

- *А как донесла?* - начинает подозревать Зоя подвох, буравя меня серыми глазками, - *их же не поднять, собранные-та? Не шутишь-та?*

- *Пилоты дотащили,* - поясняю, - *они всем помогают, их 15 человек. Иди!*

Соседка бросает вилы, взбадривает хохолок на лысине, и исчезает вдали. Тем временем иду к другим соседям:

- *Привет, родные! У меня для вас приятная весть! Я сегодня переезжаю к вам! У меня потоп, труба лопнула, надо временно пожить у вас во дворце, пока не направят водопровод, где-то с месяц... Покажите пространство, графья!*

«Графья» в шоке. Валентин угрюмо хмыкает и смотрит на жену. Та отводит взгляд и нервно ерошит седую прядь за ухом. Они проводят меня в небольшую избу и говорят тихо: *Вот тут спим, а более места нет для гостей!*

Оглядываюсь; одна жилая комната, кровать широкая и сбоку узенькая кушетка. На кушетке, едва уместившись, спит лохматый черный кот Маркиз.

- *Кушетка - вам, кровать - мне!* – весело распоряжаюсь. - *А за беспокойство буду таскать вам карасей, по три штуки в день! По рукам? Если понравится, у вас и останусь, а свой дом буду сдавать!*

По щекам Светланы ползут красные пятна, она смотрит на Валентина, прося глазами поддержки, и тот, рассматривающий потолок с засохшей мухой, сдается:

-*Ну, Ир, может, к кому другому? Тут тесно будет.*

Мне их жалко, они не видят смешинки в моих глазах, хотя и знают 9 лет. Невнимательны!

-*Я пошутила, зайки, вы что? Дом в порядке. Живите спокойно.*

-*Фух!* - Валентинов строгий рот раздвигает улыбка, он становится почти счастлив, - *эти шутки твои, Ира, задолбали уже! А мы поверили! Опять!*

Светлана тоже светлеет на глазах и предлагает чай. Мы садимся, пара на радостях открывает коробку конфет, они радуются, как дети, что опасность миновала, и спрашивают:

- *А что нового в деревне, Ир? А то мы с рассадой тут, ничего не знаем.*

- *Да вот, гуманитарка приехала вертолетом, на лугу с утра теплицы раздают, лопаты, и осетров просроченных... Все уже набрали... только вы сидите....*

НЕ АТАКУЙТЕ ГРИБНИКОВ, ОЛЕНИ!

(Записано со слов матушки, времена СССР)

Я возвращалась из длительной занудной командировки по городам и весям Зауралья. Деньги были на исходе, а еще и билет достался только в купе, так что денег на еду не осталось. Ну и ладно, думаю, буду спать. В двухместном купе уже сидела худенькая женщина лет 45-и, склоняясь над кроссвордом. Я устроилась напротив и, от нечего делать, стала изучать сначала волосы на голове попутчицы, а потом тело и бюст. Волосы меня не устроили, голова крепилась к коротенькой шее, бюст едва угадывался. Почувствовав взгляд, женщина оторвалась от сборника и выстрелила тревожным всплеском мелких голубеньких глаз. Что-то знакомое мелькнуло в сознании. Она утерла висленький носик, жалобно всхлипнула, и нырнула в объемистую сумку. *Жратва!* - определила я. Из сумки выплыла жареная утка, наполнив купе восхитительным запахом, за ней- ватага овощей, поблескивающих мытыми бочками, и нахальный ананас, распушивший хвост. Душа моя ликовала! Под конец на столике появилась бутылочка коньяка, как прекрасный аккорд к веселой гастрономической песенке.

-*Будем знакомы, я – Вера!*- Я радостно захлопала ресницами:

- *Верка, ты ли это? Я тебя не узнала! Прости, дорогая!*

-*А я сразу тебя узнала, но ты крепко изменилась, Раиса, причем в хорошую сторону. Думаю, замуж вышла...*

-*А ты сама-то как, Вера, расскажи? Как твой Илья?*

-*А я давно одна, Илья бросил. Сын женился, живет отдельно. Придвигайся поближе, будем вечерять.* – Меня не пришлось приглашать дважды.

Давным-давно мы с Верой, еще будучи студентками, отдыхали на турбазе. Много воды утекло с тех пор. И было о чем поговорить.

- *Я, дорогая, отдыхала в санатории,* - сказала Вера, почесав лохматую бородавку за левым ухом, - *раз в год мне от профкома выделяют путевочку, - такая отдушина! Весь год живу в предвкушении, только о том и мечтаю. Хоть пару недель побыть с мужичком каким-то, что с нежным сердцем. Замуж они после адюльтера меня не зовут, обидно очень, но я уже смирилась. Горьковатый привкус у меня от той любви.*

-*А нынешний санаторий тебя порадовал, Вера?*- я старательно ввинчивалась зубами в утиную грудку и сочувствовала, от благодарности. Вера тяжело вздохнула, опустила глаза, выпила глоток из стаканчика: *«Я вообще-то не люблю алкоголь,* -сказала, - *и сейчас выпиваю от горя. Можно сказать, отдых пропал».* И я услышала:

В санатории нынешний раз оказались одни старички-пенсионеры. Я долго выбирала, а время уходило. Остановилась на более-менее моложавом, он еще мог улыбаться женщинам, и задорно вздрагивать, хорохорясь, когда угощал в столовой бокалом советского шампанского с плесневелой вежливостью. Низковатый, жирноватый, нос - пирожком, усики- торчком. Ремень с бляшкой. Офицер в отставке.

- *А не пойти ли нам, голуба, в лесок по грибы?* - отважно предложил кавалер как-то, когда мы отстрелялись глазами. Я согласилась, не медля. Ангел Любви привел нас в густой лес, окружающий санаторий, дикий и романтичный. Как женщина приличная, обрядилась в бордовые трусики с кружавчиками, взбила кудрики попышнее, подкрасила реснички синим для провокации, взяла не корзинку, а плед. Плед аккуратно расстелили на полянке, поросшей кипреем, где вились пчелы и разные другие цветные таракашки.

Я блаженно растянулась речной нимфой, пока ухажер снимал ремень с брюк. *Сейчас, сейчас, девонька!* - интеллигентно приговаривал он, суется, и часто дыша. Потом все резко изменилось. Он упал на живот, придавив мне ноги своим пузом, и завопил: *«Верочка, ой-ой, спасай, радикулит!»* И вижу, скрутило его дико, как спираль, ни встать, ни сесть, и гримасы боли на лице. Стонет. Запахло ядреным мужским потом. Кое-как дотащила до санатория, надорвавшись окончательно, да молясь, чтобы не помер.

Пришлось врать любопытным, что напал дикий олень, или кабаны, или бешеные зайцы, на нас, аккуратных грибников. И чуть не порвали в клочья. Никто не поверил, конечно. А дальше его увезла «Скорая», моего несостоявшегося любовника, и больше его я не видела.

Вера долго молчала, ковыряя в зубах спичкой, а потом сказала, потрянув жиденькой шевелюрой: *«Ешь, дорогая, ананас с уточкой! А я буду ждать следующей путевки. Скажи, подруга, у многих ли старикашек радикулит?! Как думаешь, выпадет ли мне что еще из мужской любви, или уж не надеяться?!»*

КАТЯ-КАТЕРИНА

(Записано со слов матушки)

Катя родилась случайно. Ее родители уже имели одну взрослую дочь и кучу внуков, жили в деревне неподалеку от областного центра. Нечаянно в преклонные годы, практически замшелые старики родили вторую доченьку. Поначалу стеснялись выносить малышку на улицу. Но когда страсти улеглись, а пересуды закончились, потеряв новизну, девочку начали выгуливать. Непосвященные принимали ребенка за внучку, но старики терпели и крепко, самозабвенно любили свой «заскребыш».

Выросла их Катенька, поступила в пединститут, училась хорошо, слыла зубрилой. На танцы не ходила, сколько бы не упрашивали общежитские девчата. Только однажды зимой на 2 курсе удалось уговорить ее пойти на каток. В раздевалке, сидя на низкой скамеечке и зашнуровывая ботинки-канадки, Катя головой поймала приличный кусок штукатурки, отвалившийся от потолка. Увезла «Скорая» зашивать рану: девушке vybrили лысину и наложили швы. С той поры Катя не знала другой дороги, кроме как институтской, да в библиотеку, что на 4 этаже.

Девочки-однорупницы крутили романы, бегали вечерами на танцы, некоторые даже выходили замуж, что не приветствовалось в ректорате института. Катя же, как зомби, штудировала учебники, а летом уезжала в деревню к родителям. Ни о каких романах с парнями не помышляла.

Перевалило за 20. На 5 курсе студентов истфилфака отправили на практику на север Казахстана, где осваивались целинные земли. Там, в новых совхозах, не хватало учителей. В один из целинных совхозов прибыла и Катя, ей предстояло поработать в школе с сентября по май.

Тут-то Катерина Поликарповна познакомилась со студентом-практикантом, будущим инженером, и со всем пылом нерастроченных чувств погрузилась в нечаянную любовь. Парень тоже полюбил впервые. Жизнь в целинной тьмутаракани заиграла всеми цветами радуги. Молодые люди встречались ежевечерне и не представляли грядущей разлуки. Они не могли наглядеться друг на друга и строили планы на будущее. Планы простирались далеко за горизонт: переезд Катюши в Воронеж, к родителям парня. «А как же мои старики, - думала Катя, - они же завянут без меня?» Любовь родителей девушки разрасталась с взрослением Кати, они жили только ею, мучительно переживая разлуки.

Однако печальный день все же настал, Катя уезжала на госэкзамены. Расставание с возлюбленным оказалось тяжелым: слезы перемежались с клятвами вечной любви и верности. Он долго бежал за поездом, смахивая слезы рукавом курточки, но Катя его видела смутно, она тоже была в слезах, и глаза ее застилал мерцающий влажный туман.

Впереди пару ждала долгая переписка. Катя сдавала экзамены и писала каждый день обещанные письма, и каждую строчку послания пронизывала чистая любовь, каждая буква дышала нежностью. С бьющимся от волнения сердцем бежала девушка к почтовому ящику, но писем от любимого все не было. В голове роились всякие нелепые предположения: женился? Утонул? Убили? Потерялся? Утонул? Забыл... Ночи проходили в слезах, пустой почтовый ящик Катерина возненавидела и перестала к нему подходить, писем не было, ни одного.

Катя замкнулась и погрузилась в работу в Доме Политпросвещения, за усердие ее быстро повысили, стала зав. Отделом, начались командировки. Дали однокомнатную квартиру, завела породистого кота. Смирилась. Входила в квартиру, включала телевизор, - видимость того, что не одна. Голоса успокаивали, отвлекали от грустных мыслей. Бывшие сокурсники воспитывали детей, а в жизни Катерины мужчин не было, она была для них только партийным функционером.

Родители-старики, прожившие до 90 лет, умерли в один день, как в сказке. Катя с сестрой их похоронили, и решили убрать дом от всякого хлама:

- Дурно пахнет, долго болели, - пояснила сестра, помогая Кате стащить с кровати подушки, одеяла и матрасы, *- сожжем во дворе, хорошо?*

Катя стащила слежавшийся матрас и увидела пачки писем, перевязанных пожелтевшей от времени тесемкой. Любимая рука, подписывала их, - Его рука, - когда адресовала эти письма ей. Катя вдруг почувствовала страшную усталость и обессилено сползла на пол, в голове мелькнуло: *Он писал, писал!... Мать прятала письма? От Него? Как она могла? Зачем? Почему? Они же меня любили?!*

На полу старенькой избушки горько рыдала взрослая женщина, прижимая к груди толстую пачку писем. Слезы ручьем струились из глаз, смачивая дорогие конвертики.

- Мама прятала мое счастье, обворовала мою жизнь. Значит, они любили себя, но не меня!

Сестра, пришедшая со двора, поняла все сразу, она и хотела бы, но уже ничем не могла помочь.

БАБКА-ЕЖКА

(Записано со слов матушки)

В одном чудном приморском городке появилась на свет красивая девчушка- гречанка. Родители ее холили и нежили, а в юное наливное время выдали деваху замуж. Избалованная родителями, молодая жена относилась к нелюбимому мужу, как к опекуну, превратив его своим капризным высокомерием в молчаливого подкаблучника. За 50 лет брака никогда не работала, более того, и по дому ничего не делала, огородом и виноградником не занималась, не варила, не стряпала. Влюбленный муж тащил все тяготы сам, и на работе, и дома. Жена валялась то на диване, то на кровати, то в кресле. Зевала, ела сочные фрукты перед телевизором, лишней раз на жару не выходила, зачем же портить кожу? Вертелась у зеркала, сверкая черными вишенками глаз, умилялась своей красотой. К счастью, была яловая, не рожающая, *«жизнь удалась!»*- радовалась она. Муж старел. Лез из кожи, чтобы угодить любимой узурпаторше, а она, вроде как молодела. Наконец, без всяких причин, супруг умер: *«от переутомления!»* - сказали врачи. Душа выпорхнула из-под каблука и стала свободной. Зажила наша героиня одна, запустила дом до неприличия, и загрустила: некому вкладывать в жадный ротик вкусные кусочки, некому покупать ей туфельки и обрезать непослушную лозу. И обратилась она к племяннику мужа, полуслепому чернобыльцу: *«Прими меня на свое обеспечение, а после моей смерти дом тебе отойдет»*. Племянник расстарался, во всем тетушке угождал, потому что домик на юге больших денег стоит и очень хотелось его заполнить.

- *Помрет скоро тетка-то, потерпим!*- объявил своей жене, и та согласилась.

И вот живет тетка с племянником и его женой, кушает по заказу, раздает приказы, как барыня, пальцем шевельнет- и племянник спешит, бровью дрогнет- жена его подбегает:

- *Чего изволите, госпожа?*

А годики идут, племянник вконец ослеп, еле ходит, сноха болеть стала-подустала, изнемогла, почки стали отказывать. А бабка живет себе, на здоровье не жалуется, лузгает семечки на улице под солнышком, разглядывает мир. И говорит сноха мужу:

- *Я уже догадываюсь, что она нас переживет, эта Баба-Яга! У нее даже зубы все целые!*

И тут затеяла тетка грандиозное обследование самой себя, больше от скуки, чем от тревоги, чтобы проверить, все ли прекрасно в ее ценном организме? Родственники под ее танковым напором стали возить тетушку по врачам, сдавать какашки килограммами, светить органы под хитрыми приборами. Сильно потратились на обследование, чтобы в конце эпопеи услышать такой вердикт врачей: *«Сердце, легкие, желудок, почки и прочие органы здоровы, как у младенца. Ваша 85- летняя бабушка будет долго жить, организм новехонький, хоть замуж выдавай! Есть дедушка богатый на примете?»* В этот день племянник впервые в жизни сильно напился. А его жена сказала мужу, что он всегда был болваном.

Зато бабушка немного успокоилась; *«Бог меня любит! Еще 200 лет проживу, не напрягаясь!»* А тут и лето наступило жаркое, поспели вишня, черешня, абрикос. Оживился рынок, засновали толпы жадных до фруктов курортников, разевали рты кошельки, из которых сыпались в потные руки торговцев приличные барыши. И тут в бабке разыграл ген торгашества, присущий грекам, она нарвала выросших под окном кабачков, поблескивающих нежно-серебристой кожей, положила под локоть и поспешила через дорогу на самостийный базарчик, торговать своим добром.

Высоко в небе смеялось солнце, когда бежала бабка, оно ослепило водителя на черном «Рено» и тот насмерть сбил бабку. По асфальту покатались сверкающие кабачки, завизжала перепуганная кошка. Молодой грек, оторопев, отпустил потный руль и поднял глаза к небу: и солнце ему подмигнуло!

УНЕСЕННАЯ ВЕТРОМ

Изольда Ивановна родилась в интеллигентной семье: мать увлекалась средневековой литературой, «Тристан и Изольда» - были любимым произведением. Выбор имени для дочери не затруднил родителей.

Изольда выросла в любви и холе, закончила факультет журналистики. На первых курсах родила дочь, затем разошлась с мужем, вела богемную жизнь в Москве. Заболела астмой, и, по совету врачей, отправилась в Анапу. Дочь не бросила, взяла с собой. В Анапе работала корреспондентом в местной газетенке, затем вышла на пенсию. Выдала дочь замуж, но обороты не сбавила, продолжала писать очерки о самом новом и злободневном в провинциальной глуши, занималась фитнесом, отличалась живостью характера и любопытством к жизни.

Была Изольда маленького роста, сухонькая, но как сгусток энергии,- шустрая, энергичная. На восьмом десятке обслуживала себя без проблем, бегала по редакциям, собирала разные мелочные новости, печаталась. В общем, боевая, реактивная старушонка.

В Анапе случаются сезонные ветры необычайной силы, они сносят крыши домов, валят линии электропередач и деревья, цепляют автомобили на бетонные столбы. Название этому ветру - «бора», он яростен и мощен, он бушует до 3 суток, разрушая все вокруг. В один из таких дней боры, Изольда (уже с палочкой, возраст диктовал опору), вышла из подъезда своего дома, направляясь в магазин за продуктами.

Она не рассчитала свои силы: порыв ветра для начала выбил трость из слабых рук, затем подхватил бабушку и приподнял на три метра над землей:

-Маа-а-ма! – тихо позвала бабушка, испугавшись, и пытаясь ухватиться за балконную антенну. Ветер усмехнулся и отпустил старушку, Изольда с чужой антенной рухнула на бордюр и сломала шейку бедра.

Острая боль пронзила сухое тельце. Прибежали доброхоты, вызвали «Скорую». И вот лежит бедолага под капельницей, и врачи с каменными лицами бегают мимо, операцию делать не хотят, - старая, и так скоро умрет. Вызвали дочь, а та плачет, и во всем соглашается с врачами, потому что привыкла верить людям в белых халатах. Но Изольда не верит! Она пугает врачей карой небесной, властями, и даже Тристаном, о котором никто ничего не слышал. А врачи отбрехиваются лениво: *Нельзя, вы уже старый мухомор, ничего не срастется, только бинты на вас переводить!*

Идет война между старой женщиной 78-ми лет и персоналом больницы. Изольда, для кипежа, подключила и администрацию города, которая ввязалась в эту битву от вечного безделья. Изольда звонит губернатору края, уверяя, что она ценный журналистский кадр международного значения, ровесник века и соратник Фиделя Кастро. Губернатор верит, он с кабинетных высей дает отмашку, и Изольде делают операцию в краевом центре!

Прошло 3 года: Изольда бегают на своих двоих, а не доживает лежачей, гадя под себя, по-прежнему ясен ее ум, настрой боевой, и сплетен для газеты на ее век еще хватит!

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ РОЗЫГРЫШ

(Записано со слов матушки)

Розыгрыш первого апреля существует давно. Послевоенный 1947 год, мне 8 лет. Деревня. Мама работает с утра до вечера, ветврач. Своего жилья нет, квартируем. Мужиков тоже почти нет, забрала война. Только инвалиды. В солнечный первоапрельский день, когда деревенская улица раскисла от грязи, ребятишки и бабушки повылезали со дворов на улицу.

Ребятня на сухих пятачках играла в «чижик-пыжик», а бабульки, как воробушки, сидели на бревне, отогревая кости весенним солнышком. Босые ноги, заплатаные юбки, выцветшие фартуки, платочки на головах, да натруженные красные руки на коленях. Тыловые бабушки, пережившие войну и гибель своих сыновей. Наконец наступил мир, но достатка не было, конечно, нищета.

Я подседа на край бревна и стала слушать о конце света, при котором весь мир затянет паутина в виде сети, и в той сети люди запутаются, как мухи, и грядет начало Конца. Я ничего не понимала. Бабушки тоже не понимали, но, расшифровывая святыя писания, сильно пугались. И я подумала, что стоит разыграть старушек первоапрельской шуткой, чтобы отвлечь от грустных мыслей. В голову ничего не приходило, пока одна бабушка не сказала: *Вот бы хорошо разжиться ситчиком на фартук, чи на станушку!*

- *О, да куда ж не хорошо,* - заметила другая бабуся, кивая головой, - *да где же он, ситец-та? Что-то не видать...*

О, думаю, сейчас я им навру, как и положено в этот день. И сказала громко:

- *Моя мама Анна Гавриловна говорила сегодня, что в сельмаг завезут ситец!*

- *Неужели ж?! - удивились бабушки, шустро сползая с бревна.- Ну, Анна Гавриловна врать не будет, тогда побежим!* - Подоткнули юбки повыше, чтобы не запачкаться по весенней грязи, и прытко ринулись по улице вниз, к далекому сельмагу. Без денег, их не было, шла реформа. Товар брали под запись, или в обмен за зерно или яйца.

Я посидела некоторое время на пустом бревне, и внезапно меня пронзила мысль: а ведь я мерзко поступила! Наврала старшим, бабушкам, а это грешно и стыдно. Вернутся бабули и побьют, и, хотя деревенские дети к битью привычны, я почувствовала, что достанется мне основательно.

Я поспешила в пустой дом, размышляя, где мне спрятаться от обманутых бабок. То ли в подпол лезть, то ли на печку? Где безопаснее? В итоге забралась под кровать. Там пахло мышами и будущей экзекуцией.

Спустя недолгое время раздался стук в окно, потом он прекратился, и кто-то вошел в избу.

- *Дивчинка, где же ты? -* спросил голос, - *небось, под кроватью, так вылезай!*

Я затаила дыхание и вжалась в стенку. Бабушка открыла край одеяла и сказала строго:

- *Вылезай, говорю! Все же видно тебя!*

Я высунула правый глаз, и увидела натруженную руку, рука протягивала мне темный калачик из настоящей муки, живой и теплый, с зернышками мака поверху:

- *Бери в благодарность, что надоумила старух пойти в сельмаг. Отоварились мы ситчиком, да так благодарны тебе, что и не сказать... Спасибо, тебе дитяtko, спасибо!* - И бабушка тепло улыбнулась.

КОЛХОЗНИЦА ЛЮСЬКА

(Записано со слов матушки. Студенчество. Времена СССР)

На первом курсе к нам в группу посадили вольнослушательницу, как не прошедшую по конкурсу. Звали ее Люськой. Девушка пышная, как наливной персик, она внесла полный диссонанс в нашу группу. Как всем показалось, новоприбывшая предельно глупа, отвратительная лентяйка, и непримиримый враг всяческих знаний. Поскольку Люська была дочерью председателя колхоза, то ей дали емкое прозвище «колхозница». Она училась-мучилась на твердые «уд-неуд», но успешно переходила с курса на курс. Сузив узкие, заплывшие глазки, равнодушно выслушивала мораль декана и вновь обрастала задолженностями и «хвостами». Институтские ребята не обращали внимания на толстую колхозницу, до предела глупую и простоватую.

Шатко ли валко ли, но с трудом переползая с курса на курс, Люська закончила вуз. После выпускного вечера группа девчат отправилась на речной пляж, привязалась и Люся. Неподалеку загорали спортивные ребята, как выяснилось позже, из Ленинграда. Они проходили практику на заводе. Среди них выделялся аристократической внешностью некто Игорь. Даже институтская «пожирательница мужских сердец» Нонна не посмела приблизиться к нему, и стояла на отдалении, нервно вздрагивая.

А вы, Игорь, красавец, - простодушно заявила Люська, приближая к парню массивную грудь, - *вы откуда такой?*

- Из Ленинграда, - осторожно сообщил Игорь, отдаляясь от внушительных прелестей, - *а что?*

-- Да?! А вот там я еще не была, но очень хочу!

- А где вы вообще были, позвольте узнать?

- Нигде, я сама из колхоза. У нас в колхозе нет крупных городов, только фермы с коровами. Ну, и свиньи с гусями попадаются. Вы любите коров?

- Не знаю. Вряд ли. Так вы колхозница?

- Уже нет. Это в прошлом, поверьте, теперь я учительница. Интеллигентный человек.

- Приятно слышать, рад за вас, - равнодушно сказал Игорь, собираясь вернуться к ребятам, но нахальная Люська крепко схватила парня за руку:

- Напишите мне адресок, так, на всякий случай!

«Случая такого НИКОГДА не будет!» – подумал Игорь, неодобрительно оглядывая аквамариновыми глазами монументальный стан любительницы свиней, но из вежливости нашел у ребят огрызок карандаша и черкнул писульку с адресом.

- Какие ребята!- восхитилась хищная Нонка вслед уходившей группе ребят. – *Сплошной Голливуд!*

- Ленинградцы!- взвизгнула Люська, восторженно блестя шишковатым носом, - *я с одним познакомилась только что, вылитый Ален Делон, свой адресок заставил меня взять, придется теперь ехать.*

- Чего ты врешь! Какой тебе Ален Делон, глупая корова? - Нонка усмехнулась, кинув в соперницу горстку песка.- *Возомнила о себе, колхозница! Вот папка найдет тебе тракториста, знающего алфавит, и на твою долю хватит!*

- *Успокойся*, - я сердечно погладила осерчавшую Нонку по плечу, - *мечтать не вредно, пусть.*

Впрочем, черед недельку Люська отбыла в Ленинград. В далекой северной столице девица без труда отыскала нужный адрес, позвонила в дверь, и с легким сердцем переступила порог незнакомой квартиры.

- *Вам кого?*- спросила интеллигентная тонкая женщина с томиком Булгакова в изящной руке.

- *Игоря же!*- сообщила деваха, продираясь вглубь квартиры, сквозь женщину и Булгакова к своему счастью. Книжная полка, заставленная безделушками и сборниками стихов, рухнула под невероятным натиском.

- *Ох!* – сказала женщина, отпрыгивая, - *а вы кто?*

- *Так невеста, разве не видать? Я из Казахстана, женщина, это далекая республика, но раз позвал, то я приехала. Где Игорь?*

- *Игорь на картошке, с сокурсниками... Какая невеста? Игорь не говорил про вас.* - Женщина немного подумала, и добавила:

- *Что ж мы стоим, проходите.*

«*Перехватят красавца-то, пока я тут чай распиваю!*»- подумала Люся, глядя в потерянные глаза женщины, и сказала вслух:

- *Где хозяйство картофельное? Где та деревня? Адрес скажете?!*

Несколько часов Люська добиралась до возлюбленного на попутках, в последней машине компанию ей составили куры и визжащий поросенок. Весело подпрыгивая на ухабах, куры, Люська и кабанчик к вечеру добрались до мужского студенческого лагеря. Утопая в грязи по колено, девушка смело зашагала по полю, к видневшейся вдалеке группе ребят у картофельного гурта. Парни заразительно смеялись, травя анекдоты, все были симпатичные и подтянутые.

«*Кто же из них Игорь, мой Ален Делон?!*» растерялась Люська, всматриваясь в пыльные лица, - *не ошибиться бы! Вроде бы вон тот!*» Одергивая короткое, натянувшееся на спелых бедрах платьице, она кинулась к своему избраннику.

- *Здравствуй, Игорь, кровиночка родная!* - несколько пудов упитанной плоти повисло на шее Игоря.

Игорь остолбенел, а его товарищи застыли, вытаращив глаза.

-*Кто вы?*- прошептал несчастный, убирая руки с шеи и отходя на три шага назад.

-*Уже забыл так скоро? Люся. Сам мне свой адрес дал, в Ленинград пригласил...*

Ребята разом заржали, как кони на лугу.

-*Отойдем в сторонку*, - сказал Игорь, потирая шею и морщась.- *Я тебя с трудом вспомнил, да и не звал. Посмотри Ленинград и уезжай, хорошо? Ты вообще-то зачем сюда приперлась?*

-*Соскучилась, родной!* - Люська показала на сердце, - *там болит.*

Игорь взглянул на то внушительно-выпуклое место, в которое тыкала пальцем Люся, и отвел взгляд. Он начинал понимать, что эта деревенская кобыла, в отличие от него, рафинированного питерского скакуна, прекрасно знает, куда бежит.

Свечерело, последний автобус давно ушел. Делать нечего, пошел Игорь договариваться о ночевке для его гости. Люська с авоськой присела на лавочку, рядом со строгой женщиной.

- *А вы кто?*- спросила колхозница дамочку, ткнув ее в бок крепким деревенским пальцем.

- *Парторг факультета, а что?*- ответила та, нахмурившись, и растирая бок.

- *Вот и хорошо! А я Люся, невеста Игоря К. Приехала издалека. Нам заночевать бы надо сегодня вместе, а завтра домой уехать, в ЗАГС собрались. Вы можете отпустить Игоря с картошки?*

Парторг удивилась, но не разрушать же будущую ячейку общества?

- *Хорошо, я распоряжусь,* - сказала она. – *Пойдемте, я провожу до палатки.*

Палатку очистили от друзей, в ней переночевали Игорь с Люсей, а назавтра они уехали в город. Люся месяц прожила в Ленинграде, осмотрела все достопримечательности, а затем одна вернулась в свой родной колхоз. С сентября она уже начала работать в школе.

Прошло много лет. Я жила далеко от Казахстана, практически на другой планете, и тут захотела повидать родных. Мне сообщили адрес Люси, и я отправилась в гости. Дом сталинского времени с округлыми окнами и внушительным парадным подъездом. Второй этаж, массивная резная дверь. Звонок- колокольчик. Никто не выходит. Я толкнула дверь, она приоткрылась.

В сумеречном коридоре перекрывало видимость что-то огромное и непостижимое, серое, похожее на слоновий зад, оно шевелилось и яростно пыхтело. Я оторопела и собралась бежать, как эта туша развернулась и показала человеческое лицо со складками на щеках, и это лицо принадлежало Люсе.

- *Проходи,* - засуетилась она, мгновенно узнав меня, и бросив на пол двухметровую тряпку, - *я щас!*

Далее по коридору скрипнула дверь, слышались шаги, и красивое голубое мерцание глаз разлилось над Люськиным необъятным задом.

- *Здравствуйте!*- сказал мне мягко Алэн Делон, приветственно взмахивая рукой,- *проходите, пожалуйста! Люсенька, дорогая, поставь-ка нам чай!*

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА ДЛЯ ВНУКА

(Беседа матушки с внуком)

Гуляли в парке с внуком Константином 10-ти лет, день был ясным и солнечным. И тут я подумала: а есть ли у моего внука воображение, фантазия, и что дали для его юной души все прочитанные на ночь сказки?

- *А давай сочиним друг для друга по сказке,* - предложила ему, - *ты мне, я–тебе, и подарим, так сказать? Времени даю нам обоим для сочинительства сутки, а завтра сравним результаты.*

Забираю из школы, самое время озвучить придуманное.

- *Ты- первая!*- твердо сказал внук, - *потому что тебе лет больше. А я пока мысленно подготавлиюсь.*

И я, в жизни своей не сочинившая ни одной сказки, но прекрасно помнившая творения Андерсена, Гауффа, Бажова и прочих великих мастеров своего дела, начала:

Возвращался со службы солдат Иван Карамелька, много лет он бил врагов на чужбине, защищал родное отечество, и теперь отправлялся домой, к почти забытой жене Вареньке. И вот тащит он ранец солдатский, изнемог от усталости, да и присел на полянке лесной.

Ручеек шумит, листва в кронах шелестит, задремал Иван. Но тут вдруг раздался свист пичуги лесной, выронила она перо из хвостика, и плавно опустилось оно вдали, как знак сверкающий. Иван подошел, перо в руку взял, да вдруг разом провалился сквозь землю, не успев и охнуть. Пролетел метра три, да и упал на дно ямы, обширной, как пещера. А напротив, значит, Ивана, три двери располагаются, - резные такие, дубовые, на запорах крепких. А запоры паутиной обвиты, видимо, давно никто те двери не вскрывал.

- *Прямо пойду*, - вслух подумал Иван, поднатужился, да и дернул дверь покрепче, та поддалась, скрипнула натужно, и открыла полный великолепия мир, с хрустальным небом, огромными деревьями, тропинкой, выложенной мраморной плиткой. И впереди по курсу видит Иван камень смешной, камень пыхтел и подпрыгивал, как будто бы звал прокатиться, солдат на него и сел.

- *Гип-гип-ура!*- крикнул он слова волшебные, и камень шустро покатился вперед, смешно похрюкивая.

- *А как его звали, это камешек?* - не выдержал внучок. - «*Каши*» - быстро отреагировала я.

И привез Каши Ивана к огромной сосне, сбросил с себя, превратился в ишака, да и быстро заснул, обмотавшись пушистым хвостом, как шарфом.

Иван уж собрался полдничать, достал горбушку хлеба, как увидел бабку старую. Старая, а глаза молодые, смеющиеся. Руки морщинистые, а губки наливные. Странная какая-то.

- *Сынок, пойдём ко мне полдничать*, - позвала она пальцем, похожим на сухой сучок, - *у меня сегодня тайский супчик сготовлен....*

- *О*, - вмешался Костя, - *она тоже на Пхукете была?*

и пошел Иван к бабке, и откусал с ней супчика, бабка все напутала, от любви к Коцею, и потому в супчике том были только мухи, топор, да старый березовый веник с засохшей ящерицей.

- *Вкусно?* - спросила бабка по-тайски, и Иван махнул головой, потому что в армии кормили еще хуже. И подошел он затем к ишаку своему, потянул его за ухо, да и поехал дальше.

Встречают они банду разбойников вскоре, с зубами старыми, ножами острыми, все, сплошь до одного, в ботинках «Адидас» китайского производства, очень агрессивные, надо сказать! И обещают Ивана порезать на куски, и порвать, и даже на сосну подвесить, машут перед его лицом оружием, вилками и ложками, и бамбуковыми палочками, и наш солдат очень испугался. Он знал только один прием карате, да и тот забыл. Набрал он по сотовому своей жене Вареньке, да и кричит:

- *Выручай! А то убьют. Защити, зайка!* – А телефон молчит, не отвечает. И заплакал Иван, закручинился: если женщины рядом нет, то и помочь некому. Тогда Каши, отчаянный зверь, как подпрыгнет, как стукнет хвостом, как пыхнет жарком, да и разметал всех разбойников.

А последнего он связал и посадил на муравейник, потому что очень любил всяких букашек кормить.

- *Кушайте, родные!* - сказал он старшему муравью, погладив его хвостом по голове, и наблюдая, как тот изучает разбойничье ухо.

А потом Иван вздрогнул и проснулся.

- *А дальше?!-* подпрыгнул Костик, - *дальше-то что?*

- *Нет, теперь твоя очередь, солнышко. Валяй, я слушаю.*

- *Я не смог, бабусь, совсем ничего. У меня нет фантазии.*

- *Ладно, но тебе понравился солдат Карамелька?*

- *Да. Только ему не стоит забывать подзаряжать телефон!*

ПРИЗРАЧНЫЕ ЯБЛОЧКИ

Прошное лето было много яблок, они были везде: в садах, огородах, лесах, и такое впечатление, что росли даже на заборах. Я впала в яблочный ажиотаж: собирала их всюду, разных сортов, окрасок, ароматов и размеров. В доме во всех кастрюлях, тазах и корзинах лежали благоухающие плоды. Маленькое уточнение: я не ем яблок, но повидла с них варю. Однако не варить же мне его ведрами? Просто собирала и складывала, как фруктовый коллекционер. А тут вдруг напротив у соседа, который так редко появляется в своем деревенском домике, что я его никогда не видывала, вспыхнула огромными плодами старая яблоня, и не стало мне покоя. Таких здоровенных яблок я отродясь не видывала, поэтому подошла к Викторовичу, нашему деревенскому всезнайке и провокатору, и спросила:

- А не знаешь ли ты, когда придет молодой сосед, что живет напротив меня в развалюхе? Я бы хотела его попросить позволить мне набрать яблок с корзину, все-равно пропадут, эвон их сколько.

- Я его видел на днях, - важно сказал Викторович, разглядывая заскорузлый ноготь, - и тот сам попросил избавить его сад от этой яблочной напасти. Сам-то я набрал уж мешков 5, так что беги и смело собирай сколько хочешь, еще и «спасибо» скажет!

- Это точно, - уточнила я, - не шутишь? А то получается, что я ворую.

- Сто пудов! А если вдруг кто заметит, то скажи, что это я распорядился, по доверенности.

Утром, часов в пять, вооружившись огромной корзиной, я полезла в сад к соседу. Это было просто: калитка всегда открыта. Опустившись на коленки, поднимала с земли яблоки, восхищаясь их красотой и размерами. Немножко пошумела, конечно, потому что надо было пробираться сквозь толстые сучья, дерево было старым и очень «рукастым». Когда мне осталось набрать последний десяток, внезапно передо мной в утреннем влажном тумане нарисовался силуэт.

- Что вы тут делаете? - басом спросил призрак, наклоняясь. Я потеряла дар речи. – Любите подворовывать?

- Ниннет, - призналась я, мелко вздрагивая, - я и не знала, что ворую. Понимаете, я ваша соседка, но с вами не знакома, и мне Викторович сказал, что вы позволили ему и всей деревне собирать у себя яблоки.

- Викторович? Это тот дед, что с кривым ртом? Да-да, припоминаю. Правда, я его два месяца не видел, а может, и больше. И между нами не могло состояться никакого разговора. Вы меня так испугали, что я проснулся, решил, что воры в избу лезут. Это же ненормально, когда трещат сучья в пять утра. - Призрак помедлил, протянул мне указательный палец и подытожил:

-И запомните, женщина, брать чужое- нехорошо. Еще и на дедушку свои грехи валить. Дедушки- они безобидные, как бабочки, поэтому имейте совесть! Ну, что стоите? Идите отсель, да в темпе, и впредь по чужим садам не шарьтесь! Ну и народ пошел, врет и ворует, ворует и врет!

На следующий день я, полная негодования, подошла к Викторовичу и спросила:

-Ты зачем мне набрехал, божий одуванчик? Я залезла в сад, разбудила хозяина, он вылез, и погнал меня, хорошенько пристыдив.

Тот молча выслушал мои претензии, равнодушно глядя мимо, и сказал:

-Ну и что? Подумаешь! Добро пропадает, сгниет ведь. И так всю землю загадили! У меня тоже полно яблок, раздаю всем, не глядя, - и махнул назад на свою красавицу, увешанную гранатового цвета яблоками. - Готовь подол, угощу!

Я приготовила подол длинного платья, и расставила ноги, чтобы не упасть от тяжести, когда сосед вернулся и кинул мне пару сгнивших яблочек. Из черных отверстий приветливо выглядывали головки червяков.

- Экологичные! - поднял палец вверх Викторович и заспешил домой. – «Спасибо» не надо!

БОГЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Девушку Люду воспитывала одна мать. Ироничная, а местами саркастичная Людмила любила комфорт. Мать, простая бесхитростная баба, горбатилась на двух работах, чтобы угодить ненаглядной доченьке. Отца девочка не знала, как не знала его и мамаша. Вглядываясь в лицо матери, в ее шуплую, цыплячью фигуру, думала, что нет никакого, даже малейшего сходства между ними. Значит, она - копия отца, *«хорошо, сама найду родителя. Как только замечу сходство с собой»*. Закончив школу с золотой медалью, умная девушка поступила в пединститут. В областном центре был еще строительно-дорожный, но строительство она не любила, а дороги - тем более, предпочитая кровать. Получила место в общежитии. Лекции посещала редко, но зачеты и экзамены сдавала на «отлично». Вела богемную жизнь, в основном, на кровати. Изредка уходила на пленэр писать акварельные этюды. Танцы девушка ненавидела, считая пустым времяпровождением. Всех парней называла «болванами». С видимым удовольствием лежала на кровати, обложившись книгами, и читая без устали под жигулевское пиво. Если кто появлялся на пороге комнаты, спрашивала, водрузив очки на нос:

-Ты кто и зачем? Пиво хочешь?

Пиво поставлял комендант общежития, который сам любил этот пенный напиток, и уважал всех, кто составлял ему компанию. Подстриженная под «горшок», а-ля Тарас Бульба, в застиранной пижаме, Людмила чувствовала себя превосходно. Чтение чередовала со сном даже ночью, а подруги по комнате помалкивали и терпели, боясь Людкиного языка.

Как-то нагрянула комиссия во главе с импозантным ректором. Проверить чистоту, порядок и обнаружить прогульщиков. Все было хорошо, кроме загаженных туалетов. Осталась комната Люды. Она возлежала на кровати с бутылкой любимого пива.

- Кто вы и зачем?- сухо спросила Людмила проверяющих.

- Мы комиссия, - сказала тощая тетка, редко моргая, - а вы могли бы привстать, хотя бы? Что за вопиющая невоспитанность на литфаке?

- У меня радикулит, товарищи, - пояснила студентка равнодушно, поглаживая бутылку.

Ректор задумался.

- У такой молодой? Я вам не верю.

- Ваше право, верить или нет. Но уверяю вас, что страдаю им с рождения.

- Допустим, - ректор подошел поближе. *— А что у вас под кроватью? Почему не наведете порядок?*

Под кроватью, небрежно застланной простыней, толпилась батарея пустых бутылок от «Жигулевского». Людмила сморщила лоб:

- А! Это здоровый образ жизни, понимаете ли?

Ректор позеленел.

- Что вы мелете, сударыня? Пиво запрещено употреблять в общежитии, кроме того, вы больны врожденным радикулитом, не так ли?!

- Сначала пиво испаряется, и я дышу жизнетворными парами, а остаток выпиваю, как прописали врачи, - Людмиле стало скучно.

- Странно-странно, - комиссия, дружно шаркая ногами, удалилась.

В дверях сухая тетка-проректор, грозно моргнув напоследок, крикнула: *«Будем решать с вами! Будем! Решать!»*

Эту сложную задачу комиссия так и не решила, так что Людмила благополучно закончила вуз и отправилась в районную школу преподавать литературу. Добравшись на попутках до места, с авоськой, набитой пивом, шла она по деревенской улице, рассеянно обходя лужи с купающимися свиньями. Самое колоритное здание школы виднелось издали. На половине пути Люда остановилась, как вкопанная, узрев редакцию районной газеты. На вывеске нашла ошибку и, разгневанная, поднялась по скрипучей лестнице. Пнула легкую, щелястую дверь и оказалась в кабинете редактора. За столом сидел невысокий, полноватый мужчина пятидесяти лет, с очками на лбу и кустиком волос на лысеющем черепе. Он вычитывал гранки.

Девушка подошла к столу, вплотную приблизила лицо к носу и редактора и торжественно вскрикнула:

- Папка! Я тебя нашла!

Очки упали на глаза «папки», он привстал:

- Что за шутки, девушка? У меня нет, и не было детей! Я и сейчас не женат!

- Уверяю вас, что скоро, очень скоро будете, - нежно проворковала Люда новость постороннему мужчине.

Прошло несколько лет. Ближайшие подруги в воскресный день собрались в гости к Людмиле. Все знали, что она замужем за редактором газеты. Дом найти было нетрудно: большой, на высоком фундаменте, с арочными окнами. На широкой кровати в компании с пивными бутылками, пустыми и полными, возлежала богиня пера и слова. Развалившись на атласных подушках, курила сигару, в окружении книг и рукописей. Она улыбнулась:

- Садитесь, девчонки, где хотите, а вот и пиво, пейте.

- Люда, а как твой радикулит?

- Прошел, девочки, давно прошел. - Папка, ну, где ты, неси пожевать!

Из глубины коридора раздался проворный цокот мужских ботинок, показался с подносом фруктов «папка», облаченный в фартук с цветочками. Кустик волос развеялся задорно, как флаг.

- Лю, золотце, чего еще надо? - заискивающе спросил он, водружая подношение на журнальный столик.

«Золотце», играючи, выпустило кольцо дыма в сторону супруга:

- Топай, папуля, назад. У нас - девишник!

НЛО СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Десять лет назад мы с бывшеньким отдыхали в районе Тарусы, на одной безымянной речушке. Выбрались из Москвы на тройку дней с единственной целью: порыбачить и отдохнуть душой, в умиротворении среди природы, и чтобы вокруг ни людей, ни машин. Веселый серпуховской таксист долго вез нас среди полей и лесов, пока мы нашли эту самую речушку. Только разбили лагерь, как пошел проливной дождь. Забурлила речка ржавыми перекатами, засновали ручьи среди травы, потух разожженный костерок. Мы приуныли и забрались в палатку. Саня, как человек апатичный и равнодушный ко всему, кроме своего комфорта, сказал:

- Как думаешь, как быстро этот ливень прекратится?

- Нескоро, - призналась я. — Чувствую, надолго!

- А ты не могла нормально подготовиться, без дождей? - Я промолчала, потому что логика бывшего не поддавалась разумному объяснению. - Бабам доверять нельзя, вечно замутят что-нибудь недоброе, - добавил тот и повернулся ко мне спиной.

Дождь лил сутки, мы настолько промерзли, что словами не описать, питались всухомятку. Палатка отсырела, она свесила боковые крылья, как побитая ворона. Я пыталась порыбачить даже в дождь, но сварливая речушка миготом оторвала поплавок. Наконец-то к ночи потоп прекратился, чуть-чуть развиднелось небо. Не спалось, Саня читал журнал про космос и НЛО, изредка комментировал:

- *Врать - не мешками ворочать! НЛО - это посланники из «будущего», чего их бояться?! Скажи, а кто нас отсюда вывезет, мокрота такая, дорогу ведь развезло?*

Я вылезла наружу и подняла голову, чуть подальше от нас высоко в небе, но довольно отчетливо видимый, висел светящийся объект, вниз от него отходили толстые лучи. Я перепугалась, почувствовав необъяснимую тревогу и страх:

- *Господи, помилуй!* - сказала я вслух, накладывая крест на небесное тело, - *Спаси и Сохрани!*

Объект отреагировал странно: он спустился пониже. Из палатки, ворча и похрюкивая, вылез Саня и увидел опасность.

- *Это что за ерунда?* - спросил у меня, почти парализованной, тыча пальцем в небо, - *кто просил их звать? Ты в курсе, что я их боюсь?*

Гони их отсюда, мне что-то некомфортно.

- *Может, они нам сочувствуют, хотят как-то помочь, вывезти отсюда?*- вопросительно предложила шепотом версию.

- *Ну конечно,* - разозлился Саня, - *теперь ты еще будешь и дурой прикидываться. Какая помощь, если даже разглядывать их страшно? НЛО следит за нами! Утащат через люк, выпотрошат, и конец молодой жизни. Знаю, читал!* - И закрыл палатку.

Я полчаса стояла за толстым деревом, затем выглянула,- объекта не было. Сразу на душе стало хорошо и спокойно. Мы выбрались с той речушки и уехали домой.

- *Чтобы никаких дождей и тарелок!* - стал говорить бывший всякий раз, когда мы вновь выезжали на природу.

УЗБЕКСКИЙ АРБУЗ

(Записано со слов матушки. Времена СССР)

Знакомство с Николаем Николаевичем было случайным, на одном малоинтересном семинаре. Это был прекрасный специалист и мужчина приятной внешности. Жена его была много старше и держала мужа под «каблуком». Мы вторично пересеклись в большой и веселой компании на встрече Нового года. Мой муж был на дежурстве, и я пошла одна. В передней неожиданно столкнулась с Николаем Николаевичем, он мне помог раздеться, и, дружески придерживая за локоток, прошептал:

- *Смотрите, Ивановы оправляются кирпичами!*

Дверь в туалет была открыта, я с удивлением воззрилась на большую дыру в унитазе, кокетливо прикрытую кирпичом. Смех душил, но я сдержалась. Нас усадили рядом. Николай был без жены, я – без мужа, так что мы танцевали вместе и беседовали ни о чем. Уходил Николай первым, немного под шафе, все женщины из компании его обнимали, а я оставила на щеке, гладкой, как зеркало, яркий след губной помады. Не специально. Буквально через два дня мы с Николаем столкнулись в одном общественном учреждении:

- *Вы знаете,* - горячо зашептал Николай, - *у меня семейный конфликт, большой!*

- *Понимаю. Они случаются практически у всех.*

- *Да, да. Вы знаете Марию?*

- *Знаю двух,* - я пошутила, - *Марию Магдалену и Марию из газетного киоска.*

- *Что вы! Я про свою жену! Вы оставили на моей щеке след ваших губ, помните?*

- Помню. И что, по рисунку губ можно определить женщину?

- Она определила, - уныло подтвердил Николай, - она ведь заведующая детсадом, куда вы водите детей.

От таких дедуктивных способностей незнакомой мне женщины я слегка растерялась, достала самую безразличную улыбку из своего арсенала и сказала: «Ну и что?!»

- Буквально вчера жена поскользнулась на арбузной семечке, - а арбуз- подарок отца-узбека, -и упала. А когда поднялась, то сказала, что я ее толкнул и пытался убить. Она припомнила мне новогоднюю печать с губ чужой женщины, вытряхнула из памяти все мои грехи, и пригрозила выгнать. Помогите мне! Я даже муху убить не смогу!- Мужчина заглянул в мои глаза, подпустив страдальческого тумана, и добавил:

- Сходите к ней, и скажите, что между нами ничего нет, я так несчастен! Пожалуйста!

Не найдя никаких аналогий между собой и арбузом с Ферганы, я все же подумала и сказала вслух: «Ну, хорошо, схожу!»

В кабинете сидела крупная пожилая женщина с тяжелым шиньоном на голове, маленькими антрацитовыми глазками, и густыми усиками. Она курила сигарету, запивая ее кофейком.

- Здравствуйте, МарьВанна!- громко отрапортовала я, снимая кольцо дыма с запястья.

Та посмотрела в пространство поверх моей головы, шевельнув усами, и прогудела басом, как шмель на взлете:

- Это вы целовали моего мужа?

- Прикоснулась слегка,- не стала отрицать я.- Гладенький такой.

- Как вы могли?- удивилась соперница, блеснув черными глазками, - у нас двое мальчиков! Правда, они от первого брака, но Коленька их любит! Но выходит, что и вы любите моего Коленьку?

- Да, люблю.- Комичность ситуации провоцировала меня на шуточный тон.

- И что, уведете из семьи?- Заведующая садиком приподнялась из-за стола, как гора Казбек, ее маленькие глазки превратились в сверкающие точки.

- Хочу!

- Как? Не позволю!

- Успокойтесь, он сам не захочет быть номером два.

Вулкан остыл, осев на свое место, жерло перестало клокотать, пепел медленно осел на пол кабинета, молнии попрыгали в шиньоне... Женщина не верила услышанному:

- Почему? У вас есть номер один?

- Есть. Мой законный муж.

- А мне донесли, что вы одиночка.

- Оторвите уши вашему стукачу, он плохо работает. Оревуар, дорогая, - и я вышла прочь. Вслед мне шумно вздохнули усы.

И этот вопрос, довольно риторический, знаете ли, осталась ли семья Николая на плаву, - ибо обычно вблизи любого вулкана сгорает все живое.

ДВА ТОВАРИЩА

(Времена СССР)

Васек и Витек товарищи с пеленок, родились у разведеннок-соседок, избушки которых стояли рядом, прилепившись друг к другу боками. Ели-пили, считай, вместе, - хлеб да вода. Отчаянно хулиганили и получали ремнем по одному и тому же месту. Кое-как закончили школу, по 8 классов на каждого. Женились почти в один день: Васек взял Валю, Витек - Вику. «Четыре В»- звали их, шутя, в округе. Родили по ребенку, дружили теперь семьями. Друзья работали на ГЭС, зарабатывали немного, а жены требовали прибавки. Случилась авария по вине приятелей, и, чтобы не сидеть в местах отдаленных, быстро снялись с насиженных мест и махнули в Уренгой за «длинным» рублем. Там устроились на буровую, дети пошли в первый класс. Витек оказался пошустрее: назначили мастером, уехал на курсы. Вика не работала, скучала, висела на телефоне. Как-то, проводив дочку в школу, обнаружила протечку воды в ванной и срочно позвала Васька. Тот быстро ликвидировал аварию, сели пить чай. Но что даст чай двум скучающим сердцам? Хотелось выпить.

- *А не дернуть ли нам по шампусику?*- спросил вопросительно и с надеждой Васек, часто смаргивая голубыми глазами.

- *Лучше водочки, у нас есть,* - согласно уточнила Вика, доставая из шкафчика заветный пузырь. – *Немножко дернем для настроения.*

Ударились в воспоминания, - было что вспомнить, - бутылка клонилась то к одному стакану, то к другому, и быстро опустела. Пьяный Васек полез целоваться, не менее хмельная Вика не сопротивлялась. Оказались на диване. Блохастый терьер, стыдливо опустив глаза, убрался в коридор.

С того события Васек стал находить время для свиданий с женой друга, и все шло хорошо до того момента, пока его супруга не застучала их. Валя устроила страшный скандала, побила мужа скалкой, - древним оружием преданных мужиками жен, - и выперла изменщика на улицу. А тут приехал с курсов Виктор, его тотчас просветили «добрые» люди, и тоже выгнал прелюбодейку из квартиры и из своего сердца. Изгнанники Василий и Вика стали жить вместе. Чтобы насолить другу, Виктор взял в жены Валентину. Масти поменялись, но колода осталась прежней, поэтому пары развелись, расписались, и поставили между собой знак равенства; никаких алиментов и никаких судов. Родили еще по общему ребенку. Опять задружили, как и прежде. Умерла мать Васька, - к тому времени избушка развалилась и ей дали квартиру, -и сына потянуло на родину. К тому же буровая истоцилась, холод и мошкара надоели:

- *Заколебало все!*- признался другу Васек, сверкая голубыми глазами. Витек согласно кивнул рыжей шевелюрой.

Семьи вернулись туда, где родились, в свои родные «Пенаты». Васек и Вика вселились в добротную квартиру, а Витек и Валя- в полуразвалившуюся хижину, где жили со свекровью и двумя детьми.

Валина любовь мгновенно сменилась ненавистью к рыжему флегматичному Витьку и завистью к бывшему мужу, который комфортно проживал с ее заклятой подругой в теплой квартире. (Комфортно, но без любви, - Васек разглядел в Вике ту еще вредину).

Под предлогом встречи со старшей дочкой Валентина частенько наведывалась к бывшему мужу, и однажды Виктория обнаружила их вместе, мирно посапывающих в супружеской постели.

- *Змея подколодная!* - сказала Вика подруге, швыряя в нее ажурные чулки со стрелкой, - пошла вон!

- *От змеи и слышу!* - справедливо заметила Валентина, снимая с кресла дамский аксессуар из двух чашечек.

Опять ревность и внутрисемейный скандал, закончившийся разводами. Валя вернулась к бывшему, Вика - тоже. Статус-кво восторжествовал. Родили по третьему ребенку, дружба со скрипом, но восстановилась. Она даже стала еще крепче, как сплав. А когда Виктору выделили квартиру и материальное благополучие выровнялось, и вовсе сдружились не на шутку. Обмывая новоселье, обнимались, и поднимали тосты за крепкую дружбу и любовь, - Любовь четырех близких сердец.

БОЛОТНАЯ ИСТОРИЯ

- *Саня*, - представился мужчина лет 60-ти, стоящий у нашего деревенского пруда и потупился, как будто бы застеснялся. Потом поправил соломенную шляпку с ленточкой, вроде тех, что носили барышни середины 18 века, и взглянул на меня.

Я тоже назвалась.

- *И как клев, Саша?*

Мужчина посмотрел на меня левым глазом, а правый глаз нырнул мимо, как бы живя своей собственной жизнью, потом заглянул хозяину за спину, но там никого не было.

- *В молодости подбили*, - сказал доверчиво Александр, - *глазик-то, за дело. Теперь он возвращается сам по себе, по собственной орбите.*

- *Око за око?* – уточнила я.

- *Вроде как. А вы, погляжу, знающая! Не то, что местное дурачье.*

Польщенная столь высокой оценкой своих умственных способностей, я присела рядом, чтобы понаблюдать за рыбалкой.

Мужчина был весел и улыбчив. Его удилище представляло некий интерес; ноу-хау, высмотренное на просторах всезнающего ютуба. На одной леске крепились поочередно три поплавка, потом моток крючков с разнообразными наживками, и все это богатство предназначалось полоумным карасикам, живущим в местных водах.

Выловить Саша ничего не мог, само собой, – кто бы сомневался, - зато рассказал следующее:

- *Я, Ирина, очень люблю ловить рыбу. Правда, не всегда получается, даже, буду честным, - никогда не получается, - но сам процесс! Тут я как-то дня три назад собрался на разведочку в одно потаенное место в лесу. Там, узнал я, есть болото, в котором полноглупой и жирной карасятины. Думаю: ну, тут – то мне и фартанет! Точно мне ориентиры не указали, так вот, чтобы не заблудиться, я вызвал такси в полвторого ночи.*

- *Алле!* – сказала диспетчер. – *Найти и доставить на болото? Да хоть на Марс! А, не волнуйтесь, найдем того, кто знает вашу лесную лужу. Ждите машину!*

И вот приехал какой- то Голиаф, здоровый детина, весь в наколках; то ли сидел полжизни, то ли собирался только сидеть и набил все, что можно, и прорычал:

- *Куда тебе, чувак?*

- *На болото под названием Миштое*, - сказал я, - *и подмигнул ему здоровым левым глазом. Правый, как всегда, глядел назад.*

- *Не знаю я, где это*, - пробурчал тот, но все-таки поехал. Покрутившись с часик по ночному лесу, таксист психанул, почесал татуировку в виде женских грудей над левой бровью, и сообщил, что «пас», дальше не повезет.

- *Ищи сам свое болото! Еще вопрос, есть ли оно тут!* – сказал, и дал по газам.

Я остался один глубокой ночью в темном лесу. Вижу не очень хорошо по понятным причинам, поэтому осознал, что везде ветки, черные тени и недалеко, как будто бы, кладбище. Посветил фонариком и пошел в бурелом, подальше от покойничков, куда глаза глядят. Страшно, Ир, до ужаса. Крики какие-то, как будто душат кого, всплески подозрительные, а откуда все это берется - откуда мне знать? Я перетрусил и потерял контроль, а вместе с ним - и фонарик. Потом сел на пень, как старый птеродактиль, и думаю: а вдруг тут медведи? Рыскают в поисках свежего мяса, а тут я.

Я перебила:

- Саш, нет в нашем регионе медведей! Только ежи и немного змей.

- Ну, скажешь тоже. Когда чего-то боишься, оно тут же и появляется. И медведь мог возникнуть, учуяв полуслепую рыбка...

Так вот, не сбивай меня. Сажу я на пне долго, мерзну, потихоньку светать начало. И вдруг вижу ориентир: столб, а на нем надпись: «Не влезай, убьет!» Кто именно убьет, я не понял, но поверил, что убийца найдется. Может, он стоит рядом и следит, рискнет ли какой паразит влезть на столб?! В общем, я набрал опять службу такси, но другую, и сказал:

- Девушка, мне страшно! Подайте мне машинку к столбу, где убивают людей. Он где-то в лесу, этот столб, а больше я ничего про этот ужасный лес не знаю. Тут елки, сосны и темно. Улиц нет вообще. Помогите!

- Хорошо, - сказала диспетчер. - Ждите.

И, представляешь, минут через 20 прикатило авто, взяло меня на борт и доставило с ветерком к родному подъезду. Я был так счастлив, что выжил! Так счастлив! А когда жена в обед спросила, как рыбалка, я честно ответил:

- Клева не было, зайка, но впечатлений – море!

«ДЕЛОВОЕ» ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В наших деревнях нет работы, люди молодого возраста давно умотали в Москву, и там наслаждаются рутинной работой в офисах, на складах и блинных теремках, в общем, где придется, лишь бы платили. Меня нашел председатель поссовета, - это местная администрация, - которая занимается не пойми чем. Я слышала, что поссовет проводит праздники для сельских бабулек, какие-то вечера для самих себя, любимых, чиновники очень заняты и в то же время работы не видно: не ремонтируются дороги, проблемы людей виснут в воздухе, как улыбка Чеширского кота, жалобные звонки от населения остаются без ответа. И вот мне позвонили.

- Здравствуйте, - дружелюбно произнес голос. – Сергей Иванович я, председатель поссовета. Нам в деревенский клуб нужен художник на четверть ставочки, чтобы занять местных ребятишек. Родителям заниматься чадами недосуг, - пьют водку, - потому не возьметесь ли вы, Ирина, сеять Прекрасное и Вечное?

- Даже не знаю, - ответила я. - Подработку, конечно, хочется. Но тут много нюансов. Условия труда и прочее.

- Тогда я подъеду и мы поговорим!

Подъехали. К моим обшарпанным воротам, помнящим еще Мамаю, пришвартовалась дорогая иномарка, из нее выкатились два спелых колобка, - председатель и его заместительница. Водитель остался на рабочем месте. Они ворвались в дом, смело оглядывая окрестности, и комментируя:

- О, картины! Ваши? Ну да, ну да. Впрочем, мы ничего в искусстве не понимаем!

В процессе беседы выяснилось, что в соседней деревне есть клуб, который простаивает, и нужен художник на «четверть ставочки».

- ...ставочка небольшая, да, - уточнил Сергей, - но с детками можно и бесплатно заниматься. У вас ведь времени вагон, наверное?

Я оскорбилась, хотя виду не подала: в деревне одинокой женщине нелегко, всю работу, и мужскую, и женскую, выполняешь самостоятельно. При этом надо делать довольное лицо, ибо местные запинаят слабую одиночку, как бродячую собаку.

- Нет времени совсем, если честно, - сказала я. - О какой нагрузке речь?

- Ерунда: три занятия в неделю по 3 часа. Можете и по пять, если увлечетесь, вы же, наверняка, увлеченный человек?! Так вот, сидите допоздна, мы не против! Итого, считаем; 36 часов в месяц. Платим мы 5 тысяч рублей в месяц. Да, немного, но ведь удовольствия сколько? Ваша жизнь забьет через край, станет, наконец-то, полной!

- А кто материалы будет покупать для творческих занятий? – Я уже знала ответ на этот вопрос.

Эти двое вмиг погрузтели:

- Ну, родителей на это дело не раскрутить, сами знаете: у них другие интересы. Пачку карандашей и линейку мы купим, посовет.

Думаем, на 15 человек этого довольно, пусть передают по кругу, что ли, главное, смотреть, чтобы не подрались, ведь детки – то не особо смиренные... Ррраз! И нет глаза! Гены у них не очень, понимаете?

- Вы знаете, - продолжила румяная заместительница, - а зачем вам карандаши? Лишняя трата. В принципе, вы можете нарезать дома аппликации из газет, пусть составляют фигурки. Или там, идёте на улицу и гоняете воздушного змея толпой. Поля большие, деткам понравится. И для здоровья вашего очень хорошо.

- Три часа змея гонять? – во мне рождался гневный сарказм, - и зимой, и летом? Сейчас, вообще-то, дроны в моде. А сколько, простите, лет вашим деткам?

- Разные они, - пропел Сергей Иванович, - от семи до 15. Главное – их увлечь, чтобы они по селу не бегали и окна не били. Опять-таки, они родителей отвлекают.

Я сказала, что не могу. 9 часов в неделю гонять змея по кочковатым полям, заросшим борщевиком – то еще счастье. И потом: мне к 60-ти и бегать более трех минут я уже не могу. Дальше – только ползти.

- Это плохо, - приуныли колобки. - Может, лекцию прочитаете в нашем поссовете? Вот, скоро у нас особый праздник «День веселой деревенской Бабушки». Придёте, притащите свои картины и расскажете о себе, - вы же интересный человек, - бабкам будет очень любопытно, будет потом хоть кости кому перемыть. Договорились?

Я рассмеялась:

- Ребята, я даже не дойду до вашего далекого поселения, а машины у меня нет.

- Это плохо! – ответили гости. – Надо покупать! Вот, отказались от хорошего делового предложения, а так бы, потихоньку, да и накопилось бы что! Когда-нибудь... Э-э-э-х, вы!

Председателю почтительно открыл дверь водитель, и тот, решительно поменяв вид с доброжелательного на чиновничий, промолвил:

- В поссовет, живо!

Сели на свою BMW, и умотали.

ТЕТЯ МАНЯ И ЕЕ ВЕДЬМЫ

Вы, конечно же, и сами все знаете про бабушек. Бабушки любят сериалы, внуков, давать советы и разглагольствовать о жизни. Баба Маня – не исключение. Она проживает одна в соседней деревушке из десятка домов, поговорить ей не с кем, - потому что никто ее не слушает; местные и так все знают, - и вследствие этого, увидев меня, со свободными ушами, она оживает, останавливает на улице, и начинает монолог. Вставить в ее байки хоть словечко я не могу, и убежать – тоже, обижу старушку. И вот мы стоим под самым пеклом, две женщины, маленькая и большая (это я), и баба Маня, обремененная информацией, начинает:

- *Гляжу, идешь, как хорошо-то! Я так обрадовалась!* – она поправляет белый платочек на сухонькой головке и вскидывает небольшие глазки вверх, пытаюсь уловить выражение моего лица. – *Ты Парамошку-то, знаешь ли? Нет, наверное, так вот: он убийца. Сначала он украл с моей терраски одеяло, туалетную бумагу, и крышки под закатку, а потом убил бомжса. Полиция приезжала, а мы все и говорим: «Парамошка грохнул человека!», но нет, полиция нам не поверила. Говорят, что сам он с кочки упал и голову разбил. А Парамошка-то внук ведьмы, что давно тут жила. Все знала ведьма эта, Нюской ее звали. Вот, скажет, глядя на кого: «Не жилец он, скоро утопнет», так и вправду тот тонул. Все видела, представляешь? Под конец ее народ избегал, потому что боялся ее острого носа и что видение свое скажет. Померла как три года, теперь ее внук тут наяривает, жить не дает. Лазает по огородам, клубнику ворует у деревенских, да огурцы всякие. Как-то в подпол ко мне забрался, и сидит там, жрет мою наливку из слив, - тебе рецепт не надо ли? - Я так испугалась, как пришла домой, и его учуяла, так говорю этой морде наглой:*

- *А ну, брысь отсюда!* – Так он ухмыльнулся и проблеял:

- *Сама иди, дура старая, мне и тут хорошо!*

Я вставила словечко:

- *А в полицию, к участковому?*

- *Так-то, милая, не хотят они разбираться. Говорят, что выбирайте старосту себе, пусть он и разруливает, а мы в ваших дрызгах плавать не будем, - дел и так полно. Как убьют кого, так приходите, и то нежелательно: просто похороните в овраге, да и пусть лежит в полыни, мух кормит и сусликов всяких.*

Мне надо было идти, но бабка Маня схватила меня за руку: рука была крепкая. И продолжила:

- *Ты вот тоже просто так тут в темени не шарься, хоть и рыбачка. Запросто башку открутят. Народ тут подозрительный, я из местных, родилась тут, так знаю. Раньше- то в наших деревнях жизнь кипела, все тут было: и работа, и клуб, и школа. А теперь рухнуло, рассыпалось, и народ-то озверел. Еще старики ничего так, а вот из молодых кто, так опасные. Всякое творят. Помнишь, почтальонишу убили у нас? Это Парамошка с друзьями сделал. И – не сел! Откупился он, потому что вор, и денежку имеет.*

Прошло еще полчаса: котелок под жарким солнцем закипал, очень хотелось пить, а как слинять от рассказчицы, я не знала. Еще и скучно: я не знаю Парамона в лицо, как и его друзей, и решила, что бабушка просто сочиняет. Автор собственного сериала о своей деревне. Я решила, что, слушая эту брехню, доживу до архангела Гавриила, когда он затрубит последний сбор, и вежливо спросила:

- *Ну, я пойду, а?!*

- *Куды ж пойдешь-то?* – удивилась старушка, - *я же не все тебе изложила.*

Тут на нашей раздолбанной дороге показалась «Нива», окутанная клубами пыли, я махнула рукой. За рулем сидел односельчанин бабки, дед Сергей, красный от жары, развесив пепельные усы.

- *Здорово, Сергей!* – сказала я, быстро втискиваясь на переднее сиденье, - *спасибо, что спас. Твоя соседка меня вконец заговорила, рассказывая сказки про ваше житье-бытье. Знаете, устала слушать целый час про ведьм, Парамона-убийцу и утопленников. Сестренка братьев Grimm ваша бабушка, насмотрелась криминальных программ.*

Тот улыбнулся:

- *Так все правду она говорит, не врет. У нас не деревня, а котел бушующих страстей. Живем, как змеи в банке: есть среди нас преступный элемент. Нервничает бабка Маня, вот и делится с тобой...*

И, присвистнув, добавил:

- *Мне и самому бывает очень страшно, а я бывший военный. Так – то, Ир!*

ШИФЕРНЫЕ ЖЕНИХИ

В деревне занятий много, поэтому люди лепятся друг к другу, что и понятно: бригадой копать картошку сподручнее. А я вот одна, несемейная, что в нашей узкой деревенской среде вызывает недоумение. Я не любитель производить анализ такой тонкой материи, как Любовь и ее составляющие; каждый понимает ее, как может. Что касается Семьи и Брака, то мое время ушло, а красномордым аборигенам по соседству этого не понять. Мужчина, чурбан и мотыга вызывают во мне одинаковые чувства, и эту особенность своего сознания я побороть не могу.

- *Наверное, гордая сосиска,* - шепчутся местные бабки, - *или на кого из наших дедов глаз положила. Глядеть за ней в оба глаза надо, - уведет!*

Одно время стали деревней подгонять мне «женихов», чтобы снять внутреннее напряжение; одиноких мужиков поблизости тоже хватает. Контингент так себе: один все пропил, другой только начал, третий, пока играл в игровую приставку, увлекшись не на шутку, профукал уход и жены, и детей. Но ведь на всех – штаны, в дело сгодятся! И вот, как-то возвращаясь из города, нахожу у ворот одинокого хрюнделя, вперившего тусклы очи в мои окна:

- *Чего тебе надобно, старче?* – спрашиваю.

- *Так это,* - гундит тот, переводя взгляд на лопух, - *сказали мне, что ты мужа ищешь. Пришел, вот. Пустишь в дом-то, жрать охота. Стою тут, стою, а тебя все нет...*

И – не уходит! Пришлось соискателю моей руки дать волшебного пиночка для ускорения, чтобы не маячил тут вечно.

Одного отпустила восвояси, второго, третьего, сделала внушение соседям, чтобы ерундой не занимались. Но ведь мужики водятся и на прудах, где я рыбу ловлю! И тоже там хватает веселых субъектов.

Последний раз познакомилась с двумя Алексеями, просто рядом сидела с удочками. Клев был слабенький, и мы стали переговариваться. И вот Алексей первый спрашивает:

- *Какая ты рыбачка неплохая, оказывается, дашь фору нам! Одна ли живешь, или с кем?*

- *Одна!* – сдуру ответила я, таща карася. – *А что?*

- *Дом имеешь свой? Хороший ли?* – продолжался допрос.

- *Имею!* – подтвердила я в запале, - *что же не иметь-то?*

- *Справляешься ли?* – Алексей номер два заинтересованно пересел поближе ко мне. – *Может, баньку тебе построить из горбыля? Есть у тебя банька?*

Я ответила, что таковой не имеется, а вот два листа шифера на крыше надобно переложить. За денежку, разумеется. Не хотят ли мужики мне подсобить?

Те переглянулись.

Алексей первый – высокий, как телеграфный столб, на голове лысина, окаймленная лужайкой седых одуванчиков, лицо резкое, в шрамах и складках, речь изобилует матом. Бывалый парень. Сказал, что живет с *«девочкой, которая пьет и курит, а готовить не умеет»*. Терпит, потому что *«молодая она»*, изредка навешивает девахе *«лещей»* для науки.

Алексей второй – полная противоположность другу. Он широкий, полный, лицо доброжелательное, голос тихий. Как громоздкий шкаф, только моргает, и в очках. Его пенсионная жизнь наполнена драмой: сошелся с бабушкой, - а хотелось бы с женщиной, - та берет с него плату за жилье, в Любви не отзывчива из-за климакса, и вообще, что это за дама сердца в платочке и дырявой юбке? Несексуальная какая-то, и пахнет корвалолом. Одни страдания. Получается, оба эти ковбоя в активном поиске, а тут рядом я угнездилась, одна, и с домом.

- *Положим тебе шифер, запросто!* – сказали мне Алексеи, - *давай свой телефон.*

Я не успела добраться с уловом домой, как позвонил Первый:

- *Ты это, дошла уже?* – спросил по-хозяйски, строго. – *Какое любишь из разноцветного?*

Этот эзопов язык я не поняла:

- *В смысле?*

- *Ну, винище какое везти тебе? Адрес не говори, я уже его узнал.*

Я вежливо отказалась от визита и винища, но позвонил Второй:

- *Ирин, - пропел он, - когда шмотки к тебе перевозить? А то бабка моя совсем спятила. Хочу к тебе!*

Я ошалела от натиска. И поняла, что к шиферу этих двоих допускать нельзя, потом они просто не уйдут.

В течение следующего дня мне позвонил Первый Леха 19 раз, второй, - тот поскромнее, - всего 12. Еще пять последующих дней два сеньора обрывали мой телефон, набирая с двух позиций и утром, и днем, и ночью. Если рисовать диаграмму их настойчивости, то она бы уткнулась в небеса.

На этом впечатляющем агрессивном эпизоде я временно завязала с рыбалкой и общением с мужчинами. Мне нужен отдых от подобных назойливых «пацанов».

И – да, я остаюсь при своем мнении: женихи – это не мое. Все – таки котлету нужно держать подальше от мух.

БАНЯ

У каждого человека свое представление о счастье: кто – то любит покупать новые вещи на ОЗОНе, кто – лопать бутерброды с икрой, а я люблю ходить в общественную баню, тем более что своей баньки нет. Она была построена давно, во времена СССР, для ткачих, запыленных и кашляющих после цехов, в которых мелкой взвесью плавала целлюлоза. Ткачихи частью поумирали, частью остались, это уже старушки... А молодых нет, потому что фабрика сгнула, стены развалились, и от этих руин пахнет безнадегой и унынием. Однако баня живет, - её хозяин отбил у города, - и моет нас, последних из могикан, любящих силу березового веника и крепкого пара. Баня большая, парилка просторная, а вместо купели – Волга, беги из жара и плюхайся в воду, если, конечно, кишка не тонка. Желающих моржевать не очень много - человек шесть - восемь, и мы скромно называем себя «волжской бандой». Мы купаемся всегда, в любую погоду, и летом, и зимой. Самая молодая я, мне нет 60-и, а остальным много больше.

Но, как и в любом социуме, в банном чистилище сложились две группировки: «моржихи» и «зануды». «Зануды» постоянно жалуются на высокий пар, на несправедливость, они тщательно бдят за «моржихами» и крутят кран, перекрывающий подачу пара. Из – за этих манипуляций в парилке становится зябко и сыро. Заводила похожа на мужика, коротко стрижена, обесцвечена и сильно ругается. Зовут её Марта. Видимо, сидела когда-то. Думаем, спёрла во времена оные с фабрики тюк хлопка для личных нужд или рулон ткани для пошива трусов на дому. С нее станется. Странно, что при таком брутальном облике она страшно боится жары.

В этот раз мы с Ниной из «моржих» оказались в меньшинстве, «нытиков» было полное отделение. Сбегали на реку, покупались и влетели в парилку, лязгая зубами, - октябрь, между прочим! И холодно, сил нет.

- *Надо прибавить, Ирэн!* – сказала твердо Нина, - и спустилась с полки вниз, и крутанула кран. Зашипело и понесло жаром.

Прикорнувшая в уголке Марта встрепенулась и вытаращила глаза. И потом понесла такой отборной бранью, что мы даже растерялись. Она долго клокотала нечто непотребное на тюремном сленге, а под занавес крикнула:

- *Кресты нацепили, так все, что ли, можно?* – и потрясла перед нами кулаком, раскрыв волосатую подмышку.

- *Это парилка, здесь не должно быть холодно!* – пыталась тихо вразумить Нина мужеподобную женщину, - *а поспать ты можешь в помывочном отделении...*

- *Девочки, давайте не ругаться!* – вмешалась я, - *нельзя! Кроме того, мы совсем чуть-чуть прибавили, из-за вас, самую кроху.*

Но в бане спиралью закрутился бунт: Марта с дочкой – нытиком понеслась к старушкам, те собрались дряблой кучей, и давай метать в нас стрелы ненависти. Голый обиженный человек – это сильное зрелище!

- *Господи, помилуй!* – подумали мы с Ниной и переглянулись, - *помоги, Господи!*

И опять отправились на Волгу, где сыпал дождь, и прыгала по волнам плотвица.

Спустя пять минут обстановка в бане неожиданно разрядилась, к нашему удивлению. Старушки сидели на своих местах и понуро глядели в пол, по которому текла мыльная вода. Марта с дочкой скрылись в туалете. Что такое, почему не стреляем?

Оказалось, в банную парилку подтянулись родные женщины директора заведения: жена, дочь, сестра, все массивные, на слоновьих ногах, с мощными торсами. Вооруженные для битвы с плотью вениками, бамбуковыми палками, и еще какими – то приспособлениями для банного истязания, они были нацелены на великие подвиги, и улыбались.

Они подошли к нам с Ниной возбужденные, приветливые, - благо, мы из одной «группировки», - и, откручивая кран на максимум, громко сказали:

- Ну что, девоньки, отождём?!

- *Валяйте скорее!* – прорычали мы с Ниной удовлетворенно.

И мы отождгли по полной!

ПИСЬМО

Дорогая Еленочка!

Скажу честно: я не люблю свой день рождения. Годы идут, а ума не прибавляется. Однако, - чем не парадокс?! - это хороший повод напомнить о себе. К примеру, позвонил племянник с фронта, вспомнив о тетке, мы говорили полчаса, он нашел время для этого поздней ночью. Доставил мне много радости тем, что живой. А так-то у него нет ни минутки свободной: война есть война.

Матушка наберет, - мне всегда маловато общения с ней. Сосед притащил кочан капусты в подарок. Он жадноват, это большая жертва с его стороны!

В целом, сегодня неплохой денёк, хотя и тоскливый. Пушкин Александр Сергеевич тоже его не любил: *«Дар напрасный, дар случайный...»*

Тем не менее, я тебе напомнила о своем дне рождения, потому что скучновато тут. Дом вряд ли продам этой осенью, придется как-то перемотаться до весны. Уже устала я в деревне своей. И вот что я скажу: благодарна Богу за знакомство с тобой, за твою неустанную заботу и внимание, и поддержку. За то, что ты есть где-то далеко, за то, что делишься крупицами своей жизни, отдавая под редакцию свои фотоальбомы, за голос твой нежный... и я неустанно буду молить за тебя, потому что для чего мы приходим в этот мир? Чтобы нести добро, чтобы спасти души свои... Чтобы нас помнили, когда мы уйдем из этого бренного мира.

Я безмерно тебя благодарю за подарок, за поздравления теплые, за то, что ты у меня есть, а это самый ценный подарок. Господь всемиловитив, он даже и меня любит - грешницу окаянную, - и это самое важное, что нужно знать, когда стукнуло 58. Впрочем, я должна об этом помнить всегда, и я буду помнить.

Дай Бог тебе здоровья, дорогая Еленочка!

ОГРОМНОЕ СПАСИБО за все твои благодеяния! Крепко – крепко обнимаю!!

У меня мокрые глаза, потому что я растрогана.

И потому что, наверное, счастлива.

Ирина Галактикацвета

Комментарии с сайта eva-and-co.ru

Елена, добрый день, прочитала рассказы Ирины Галактикицвета. Обратила внимание, что многие рассказы записаны со слов матушки - реальные такие зарисовки. Сами истории, их сюжет понравились. Во многих рассказах - неожиданный конец, сюрприз читателю. Это - здорово. С чувством юмора. Многие обороты мне понравились, очень к месту. Например:

– *Пушистый хвост ананаса*

- *Бешеные зайцы*

- *Перевалило 20*

- *У нас в колхозе нет больших городов*

- *Найдет тракториста, знающего алфавит*

- *Пчелы и разные другие цветные таракашки*

- *Растянулась лесной нимфой* и др.

Больше всего понравились истории: "Катя-Катерина", "Бабка-Ежка", "Не атакуйте грибников, олени!", "Призрачные яблочки«.

Спасибо автору!

Ольга Иванисова

© eva-and-co.ru

Творческая Лаборатория «Слово и Образ»